

С. М. Соловьевым объяснение генезиса „пословицы“ о Шемякином суде было принято впоследствии К. Н. Бестужевым-Рюминым,¹ А. А. Экземплярским² и В. С. Иконниковым.³

Такое объяснение „пословицы“ о Шемякином суде страдает логической ошибкой порочного круга, ибо Соловьев пытается объяснить „пословицу“ бесчинствами Д. Ю. Шемяки, преждевременно считая судью Шемяку и вероломного соперника Василия Темного одним и тем же лицом, хотя именно причастность этого галицкого князя к „кривосуду“ прежде всего нуждается в доказательстве. Не менее сомнительным в толковании Соловьева кажется и то запоминающееся „впечатление“, которое будто бы произвела на москвичей судебная деятельность Дмитрия Юрьевича и галицких бояр, так как чрезвычайно трудно предположить, что удельный князь, который на несколько месяцев занял Московский великокняжеский престол, мог бы создать какое-то своеобразное судопроизводство; и, наконец, из того достоверного факта, что галицкие бояре притесняли москвичей, также невозможно сделать вывод о влиянии княжеской междоусобицы на состояние примитивного судостроительства XV в., которое всегда преследовало интересы „княжой казны“.

Таким образом, несмотря на внешнее правдоподобие, интерпретация Соловьева основана на субъективных домыслах ее автора, и в этой связи такое толкование „пословицы“ очень напоминает целиком вымышленное описание „Шемякина суда“ в романе П. Свиньина: „Суд и расправа достались в руки людей пронырливых и неспособных, сделавшихся орудием других. Следствием сего было криводушие и лихоимство... К особенностям княжения Шемяки должно заметить, что как он, так и его тиуны умели придавать вид законности самым кривым, вопиющим решениям, и, к несчастью, положили основание науке толковать и применять законы к своим видам и выгодам, науке, которая увы! до поздних времен имела большое число учеников на святой Руси! Злопамятное предание сохранило некоторые примеры сих пристрастных решений Шемяки, кои удивляют утонченностью крючкотворства и вместе наглостию. Мы хотели было рассказать оные при сем случае, но побоялись, чтоб кривоусуды не растолковали их иначе, ... для того скажем только, что всякая несправедливость оттоль стала называться «Шемякиным судом»“.⁴

Итак, попытки всех исследователей, которые стремились объяснить генезис пословицы или поговорки о кривосуде „воспоминаниями“ о Д. Ю. Шемяке, оказались безуспешными, и поэтому с уверенностью

¹ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. 414.

² А. А. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1233 по 1505 год, т. II, СПб., 1889, стр. 243.

³ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1903, стр. 1808, примеч. 3.

⁴ П. Свиньин. Шемякин суд или последнее междоусобие удельных князей русских, ч. IV. М., 1832, стр. 57—58.